Предложенные меры позволят усовершенствовать отечественное законодательство в сфере уголовного преследования преступлений против общественной нравственности и частично привести их в соответствии с международными нормами в указанной сфере.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. [Электронный ресурс] : Режим доступа - consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=345915&dst=0&rnd=BC8A58498EFB848B7C6A10BEFA0CC7B5#05092974977642246.
2. О проекте федерального закона «Об ограничениях оборота продукции, услуг и зрелищных мероприятий сексуального характера в Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16.01.1998 г. № 2106-П ГД // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 457.
3. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК. [Электронный ресурс] : Режим доступа - <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17>.
4. Гудин, С. С. Проблемы легализации проституции в РФ / С. С. Гудин // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 2. - С. 88-92.
5. Дизер, О. А. Нормативно-правовые и организационные аспекты противодействия правонарушениям в области общественной нравственности / О. А. Дизер // Административное право и процесс. - 2019. - № 4. - С. 35-39.
6. Карязов, Н. В. Международно-правовые акты и их роль в борьбе с тор-говлей людьми / Н. В. Карязов // Бизнес в законе. - 2020. - № 5. - С. 162-165.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С.В. Дьякова и Н.Г. Кадникова. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 846 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А.В. Бриллиантова. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 884 с.
9. Комяк, Н. А. Проституция и половые извращения / Н. А. Комяк, Я. Ф. Комяк. - Минск: Право и экономика, 2018. - 192 с.
10. Николаева, Ю.В. Дифференциация преступлений против несовершенно-летних в России / Ю.В. Николаева. – Москва : Юрист, 2019. - 188 с.
11. Подгайнова, Я.В. Конструирование уголовно-правовых норм, предусматривающей ответственность за занятие проституцией / Я. В. Подгайнова // Бизнес в законе. - 2019. - № 3. - С. 132-137.
12. Пудовочкин, Ю. Е. Ответственность за преступления против несовер-шеннолетних / Ю.Е. Пудовочкин. – Москва: ИНФРА-М, 2018. - 320 с.
13. Савельева, В. С. Уголовная ответственность за преступления против несовершеннолетних. Учебное пособие / В.С. Савельева. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. - 128 с.
14. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2014. – 936 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – Москва : Юрист, 2000. – 744 с.

Коростнев А.А.

Позиции Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по защите права на изображение гражданина

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-139

idsp: ljjournal-01-2021-139

*Научный руководитель
Рабец А.П.*

Аннотация

В работе проведен анализ позиций отечественных и зарубежных высших судов по проблематике охраны частной жизни. В частности, приведены наиболее встречающиеся в практике высших судов дела, отражающие понимание в целом по данному вопросу, и подходы правоприменителей по аспекту защиты прав на

изображение граждан в отдельных случаях. Сделан вывод о преимущественной защите прав на частную жизнь перед правом на получение информации.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, конкуренция норм права, право на изображение, позиции Верховного Суда Российской Федерации, европейская модель регулирования.

Abstract

The article analyzes the positions of Russian and foreign higher courts on the protection of private life. In particular, the article presents the most common cases in the practice of the highest courts, reflecting the understanding in general on this issue, and the approaches of law enforcement officers on the aspect of protecting the rights to the image of citizens in individual cases. The conclusion is made about the priority protection of the rights to private life over the right to receive information.

Keywords: European Court of Human Rights, competition of law, the right to image, positions of the Supreme Court of the Russian Federation, European regulatory model.

Право на охрану изображения по российскому законодательству получило самостоятельное выражение в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Позиции Верховного Суда РФ по защите права на изображение выражаются в ограничении обнародования и дальнейшего использования изображения гражданина, в случае его неправомерного использования третьими лицами. Вместе с этим, под обнародованием изображения гражданина по аналогии с положениями статьи 1268 ГК РФ необходимо понимать осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем его опубликования, публичного показа либо любым другим способом, включая размещение его в сети "Интернет" [1, п. 43].

При этом, Верховный Суд не уточняет конкретный перечень действий, благодаря которому исходно полученное изображение может быть неправомерно обнародовано. Представляется, что к таким действиям, могут относиться: публикация спорных изображений в местных газетах, включения их телевизионными студиями в своих передачах, демонстрация изображения гражданина в фильме, использование изображений на рекламных баннерах, плакатах магазинов одежды и т.д.

Российский законодатель, регулируя данную сферу пошел по пути европейской модели. ГК РФ рассматривает изображение как неимущественное благо, а указаний относительно оборота прав на него не содержится. Само согласие на обнародование и использование изображения рассматривается как сделка, требования к форме которой определяются общими правилами ГК РФ. Из этого следует, что сделка по обнародованию и использованию изображения может быть заключена лишь дееспособным гражданином. Соответственно, несовершеннолетние до 14 лет самостоятельно дать согласие уже не могут (лишь с согласия законных представителей, в соответствии с п.1 ст. 28 ГК РФ).

Хотя сама возможность дачи согласия на использование изображения за плату судами не отрицается, логично предположить, что полное отчуждение права коммерческого использования изображения по российскому праву невозможно. На это ориентирует сама формулировка о неотчуждаемости и "непередаваемости иным способом" нематериальных благ (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

Что касается допустимости согласия на использование изображения по модели исключительной лицензии, то фактически, разъяснений высших судов по данному поводу нет. В отсутствие прямого запрета на практике договоры по модели исключительной лицензии заключаются. К примеру, вот формулировка трудового договора с футбольным клубом "Локомотив": "Футболист предоставляет Клубу исключительные права на использование своего имиджа, то есть эксклюзивное право

использовать имя, образ, фото- и видеоизображения, графические и любые иные изображения Футболиста в рекламе любых компаний, товаров и услуг, а также в иных целях, без согласования с футболистом и без какой-либо оплаты, кроме предусмотренной настоящим Контрактом, и в течение срока, на который заключен настоящий Контракт (досрочное расторжение настоящего контракта не прекращает права Клуба на использование имиджа Футболиста).

Заслуживает упоминания позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении Пленума от 27.06.2013 года № 21, как в отношении общих подходов к применению судами Российской Федерации постановлений ЕСПЧ, так и в отношении вопроса об использовании изображения гражданина, в частности. В данном постановлении Верховный Суд, в целях единообразного применения Конвенции о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция), разъясняет, что те позиции, которые содержатся в постановлениях ЕСПЧ, принятых в отношении других государств, учитываются российскими судами в том случае, если обстоятельства рассматриваемого дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ. Очевидно, что на практике вероятность «совпадения обстоятельств» разных дел, с учетом еще и разницы в правовом регулировании разных стран, – стремится к нулю. А если обстоятельства «не являются аналогичными», – правовая позиция не учитывается, и выводы ЕСПЧ не являются обязательными для российских судов.

Что касается стран Европы, то право гражданина на изображение традиционно рассматривается Европейским судом по правам человека в качестве элемента частной жизни [2]. Соответственно вмешательство в осуществление этого права не допускается, за исключением некоторых случаев.

Так, в соответствии с принципом оправданного вмешательства и последовательной прецедентной практикой Европейского Суда, ст. 10 Конвенции допускает журналистам обнародовать информацию по вопросам, представляющим всеобщий интерес, при условии, что они действуют добросовестно и на точной фактической основе, предоставляя "надежную и точную" информацию в соответствии с журналистской этикой. Тем не менее, на журналистах лежит обязанность тщательной проверки распространяемых о лице сведений, которые могут затронуть его честь, достоинство, репутацию или частную жизнь [3].

При этом, нередко случаи неправомерного распространения информации о частной жизни журналистами. Ярким примером неправомерного обнародования и использования изображения гражданина стало дело «Пек (Рек) против Соединенного Королевства» [4]. В данном случае заявитель, пытаясь покончить жизнь самоубийством, случайным образом попал на камеру оператора кабельного телевидения. Последний обратился в полицию, представители которой вмешались и спасли жизнь заявителю. В ходе данного инцидента был опубликован ряд материалов с изображением заявителя, которые, по его мнению, нарушали право на уважение частной жизни, гарантированное ст. 8 Конвенции.

В этой связи, необходимо понимать, что сама по себе фото- или же видеосъемка отдельного участника гражданских правоотношений не является посягательством на права других лиц, находящихся в непосредственной близости. Как видно из примера выше, оператор не собирался намеренно записывать видео с заявителем, последний случайным образом попал в объектив видеокамеры.

Баланс может быть достигнут лишь с помощью механизмов, предполагающих с одной стороны право каждого на свободное получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, а с другой – право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на охрану своего изображения.

Неправомерно обнародовано и использовано изображение было допущено и в деле «Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации» [5]. Ссылаясь на статьи 8 и 13 Конвенции, заявители жаловались на то, что их право на уважение семейной и личной жизни было нарушено должностными лицами ожоговой больницы, которые предоставили журналистам и помощнику депутата российской Государственной Думы доступ к Г., его имени и медицинским данным и либо разрешили фотографировать и вести видеозапись, либо предоставили им такие материалы, в обоих случаях без согласия родителей.

Власти Российской Федерации не согласились с заявителями. Они признали, что должностные лица ожоговой больницы действительно разрешили доступ журналистов четырех национальных телеканалов в ожоговое отделение, разрешили им интервью с Г. и его съемки, предоставили информацию о его имени и состоянии, и все это сделали без согласия заявителей или самого Г. Кроме того, власти Российской Федерации не оспаривали, что Гер. получил фотографии Г. от одного из этих должностных лиц. Власти Российской Федерации утверждали, что фотографирование Г. врачами было оправдано медицинскими нуждами врачей, которые его лечили. Власти Российской Федерации также полагали, что передача фотографий Гер. была оправдана в соответствии со статьями 17, 37 и 39 Федерального закона от 8 мая 1994 г. N 3 "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", тогда как действия должностных лиц и журналистов были законными согласно части 5 статьи 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. В дальнейших объяснениях власти Российской Федерации ссылались на сведения, предоставленные ожоговой больницей, в которых отрицалось, что съемочные группы получили непосредственный доступ к Г. или интервьюировали его.

Европейский суд отмечает, что администрация больницы и органы здравоохранения не только раскрыли или передали третьим лицам медицинские, персональные и конфиденциальные данные, включая его имя (см. Постановление Европейского суда от 22 февраля 1994 г. по делу "Бургхарц против Швейцарии" (Burghartz v. Switzerland), § 24, Series A, N 280-B), фотографии, содержащие, в частности, данные медицинского характера (см. Постановление Европейского суда от 15 января 2009 г. по делу "Реклос и Давурлис против Греции" (Reklos and Davourlis v. Greece), жалоба N 1234/05, § 40) и его подробный диагноз (см. Решение Европейского суда от 21 февраля 2002 г. по делу "Шюссель против Австрии" (v. Austria), жалоба N 42409/98, Постановление Европейского суда от 27 августа 1997 г. по делу "M.S. против Швеции" (M.S. v. Sweden), § 31 - 35, Reports 1997-IV, и Постановление Европейского суда от 30 октября 2012 г. по делу "Р. и S. против Польши" (P. and S. v. Poland), жалоба N 57375/08, § 128), но и разрешили прямой доступ телевизионных съемочных групп к мальчику, которому было три года, а его родители отсутствовали. Из обстоятельств дела и применимого национального законодательства (см. часть 1 статьи 61 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан в разделе "Применимое национальное законодательство" настоящего Постановления) следует, что в то время как ребенок находился в больнице, заявители имели право на защиту и уважение их личной и семейной жизни, и они не были информированы о вышеупомянутых действиях и не давали на него согласие.

Поскольку власти не требовали от причастных средств массовой информации никаких гарантий нераскрытия личности Г. и ввиду последующего освещения событий, включавшего массовое распространение всех упомянутых сведений, соответствующая информация была фактически раскрыта общественности в целом. С учетом данных соображений Европейский суд находит, что раскрытие этих данных ожоговой больницей и ее решение о предоставлении средствам массовой информации доступа к

Г. составляли вмешательство в право заявителей на уважение их личной и семейной жизни, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

Таким образом, при определении приоритета в защите прав, ЕСПЧ отдает предпочтение защите гражданских прав над свободой СМИ [6, с. 175]. В делах о защите права на изображение этот вопрос является ключевым, поскольку право на изображение гражданина конкурирует с правом на свободу информации. По мнению Капышевой А.К., столкновение права на свободу выражения и права на частную жизнь как двух основополагающих принципов Конвенции часто является предметом спора не только среди ученых, но и в судебной практике [7, с. 225]. Как указывает, П.Ю. Поздников, анализ соотношения свободы слова и права на частную жизнь в практическом смысле приобретает особую актуальность. По мнению автора, право каждого человека на неприкосновенность его личной жизни и право на свободу выражения как основополагающие для демократического общества права требуют нахождения разумного баланса в каждом конкретном случае [8, с. 40].

Российский законодатель, в свою очередь, для обеспечения реализации баланса между правом на неприкосновенность частной жизни и правом на свободу распространения информации, указал что использование изображения гражданина без его согласия представляет собой ограничение прав, гарантируемых Конвенцией, и разъяснил, что в силу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод должно быть: 1) основано на федеральном законе; 2) преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц; 3) являться необходимым в демократическом обществе (пропорционально преследуемой социально значимой, законной цели) [9].

Как показывает практика, страны Евросоюза включают понятие «изображение гражданина» в категорию персональных данных. Под определение персональных данных подпадает информация в любой форме, включая графическую, фотографическую, акустическую и т.д., т.е., в частности, рисунки, видеозаписи, фотографии. Таким образом, европейская модель предусматривает защиту права на изображение руководствуясь в том числе законодательством о персональных данных. Мнение российского законодателя по этому вопросу сходно: персональные данные являются частью информации о частной жизни гражданина, которая может его идентифицировать [10].

В связи с этим представляется интересной позиция ЕСПЧ по поводу защиты частной жизни в случае неправильной идентификации лица, изображенного на фотографии [11]. В указанном деле фотография заявительницы, на которой она была изображена аплодирующей на концерте, была опубликована в глянцевого журнала о стиле и моде, распространяемого по всей стране. В подписи под фотографией заявительница была ошибочно указана под именем другой женщины, а именно жены мэра города. Заявительница подала гражданский иск против издателя журнала, требуя возмещения убытков в связи с ошибочной подписью к ее фотографии. Национальные суды отклонили ее иск, заявив, что факты этого дела не являются основанием для присуждения денежной компенсации. ЕСПЧ согласился с позициями национальных судов, считая, что указание имени жены мэра рядом с фотографией заявительницы хотя и могло причинить заявительнице некоторое неудобство, но тем не менее уровень тяжести ситуации, связанной с неправильной подписью под фотографией, и неудобства, испытанные заявительницей, не давали оснований ни в контексте защиты заявительницей своего изображения, ни в контексте защиты ее чести и репутации о возникновении вопроса о возможном нарушении права частной жизни.

Европейская модель защиты права на изображение не лишена и узкого подхода. В странах ЕС признается лишь единое личное неимущественное право, составной частью которого является право на изображение. В рамках данного подхода признается и имущественный аспект, но поскольку он не является самостоятельным, то о широких возможностях распоряжения своим изображением речи идти не может. Это приводит к тому, что полное отчуждение права на изображение становится невозможным [12]. Остается лишь возможность дать согласие на использование изображения на возмездной основе путем заключения лицензионных соглашений. Но, поскольку согласие изображенного трактуется даже не в смысле соглашения, а в смысле основания для отказа в возмещении вреда по деликтному иску, распоряжение данным правом еще более сужается. Таким образом, суды отрицают возможность компенсации морального вреда за истцами. Тот факт, что имущественный интерес может быть возмещен лишь в тех случаях, когда истцы заранее заключили лицензионное соглашение и могли предоставить расчет убытков, на основе получаемых вознаграждений, представляется довольно убедительным.

Из приведённых решений высших судов Европы на сегодняшний день ясно видно разграничение прав, гарантированных статьями 8 и 10 Конвенции. При столкновении двух норм, доминирующей является норма о невмешательстве в частную жизнь. Остается надеяться на разумное применение Европейского опыта данных позиций в практике отечественных судов.

1. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. №8.
2. Постановление ЕСПЧ от 21.02.2002 по делу "Шюссель (Schussel) против Австрии" (жалоба N 42409/98) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (дата обращения: 15.12.2020).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 2001. №2. ст. 163.
4. Постановление ЕСПЧ от 28.01.2003 по делу "Пек (Pesk) против Соединенного Королевства" (жалоба N 44647/98) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (дата обращения: 15.12.2020).
5. Постановление ЕСПЧ от 18.04.2013 "Дело "Агеевы (Ageyevy) против Российской Федерации" (жалоба N 7075/10) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана. (дата обращения: 15.12.2020).
6. Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. А. Николаева // Москва. 2014. 221 с.
7. Капышева А.К. Практика европейского суда по правам человека по рассмотрению дел о праве на собственное изображение // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2014. №3(35). С. 225-231.
8. Поздникин П.Ю. Право на частную жизнь и свобода слова: разумный баланс // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. №3. С. 38-44.
9. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Российская газета. 2013. №145.
10. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. №10. ст. 1127.
11. Информация о Решении ЕСПЧ от 31.10.2019 по делу "Вучина (Vucina) против Хорватии" (жалоба N 58955/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. №4.
12. Беляева К.К. Распоряжение правом на изображение в Российской Федерации и за рубежом // Вестник гражданского права. 2019. №2. С. 27-60.